

После советско-финляндской (зимней) войны 1939 – 1940 гг. руководство Финляндии идет на сближение с нацистской Германией, так как стали ясны планы Гитлера напасть на Советский Союз. На протяжении 1940 – весны 1941 гг. проходили немецко-финляндские совещания. Финляндия на этих переговорах стремилась определить свою собственную роль в будущей войне: отвечать за участок фронта от Финского залива до Ухты. К северу от нее ответственность за состояние фронта должна была лежать на Германии.

По мере приближения войны между Германией и Советским Союзом у правящих кругов Финляндии возрастает интерес и к Восточной Карелииⁱ. Они надеялись в будущей войне не только вернуть утраченные по Московскому мирному договору 12 марта 1940 г. земли Финляндии, но и значительно расширить территорию за счет Восточной Карелии. Вновь воскресли планы о Великой Финляндии: о возможности включить родственные финнам народы Карелии (карелов, вепсов, ингерманландцев и др.) в число финляндских жителей, осуществить то, что не удалось сделать Финляндии на рубеже 1920-х гг.

Еще до начала войны против СССР в апреле 1941 г. президент Финляндской Республики Ристо Рюти дал задание активистам – членам национальных организаций подготовить научные исследования о будущем Восточной Карелии, на основании которых можно было бы доказать Германии, что данный регион исторически, национально и культурно принадлежит Финляндииⁱⁱ.

И несколько таких исследований было выполнено. За несколько недель до начала военных действий заместитель председателя Академического Карельского Общества доктор Рейно Кастрен представил план устройства будущей администрации Восточной Карелии, который предусматривал постепенное включение этой территории в состав Финляндииⁱⁱⁱ.

Предвоенные планы финских военных расходились относительно границ территории, которую следовало бы присоединить. Генерал Аксель Айро заявил о необходимости возврата к «естественным» или «историческим» границам

Финляндии (Ладога – Свирь – Онежское озеро – Белое море). А его оппонент генерал Эрик Хейнрих считал их слишком «южными»^{iv}. Однако сам факт необходимости «освобождения» Восточной Карелии в Финляндии сомнений не вызывал.

Финляндский правительственный орган – газета «Uusi Suomi» заявляла, что «Карелия является неразрывной частью Финляндии. Финляндия не может сложить оружия, пока не будет освобождена вся Карелия». Другая финская газета «Karjala» писала, что «Финляндия имеет неоспоримое право на большую часть Советской России, не говоря уже о Карелии, до Свири, Онежского озера и Белого моря»^v.

В Финляндии приказ К.Г.Маннергейма о том, что он не вложит свой меч в ножны до тех пор, пока не будет освобождена Восточная Карелия, был принят с воодушевлением. Этот приказ являлся копией распоряжения самого же Маннергейма от 1918 г. и восходил к давней идее объединения соплеменников: финнов и карелов под эгидой Великой Финляндии^{vi}. В действительности за пафосным приказом Маннергейма скрывались стратегические и экономические факторы. Проходившая через Карелию Мурманская железная дорога и Беломоро-Балтийский канал, одно из крупнейших в стране производств бумаги и неисчерпаемые запасы леса делали регион весьма привлекательным для Финляндии. Кроме того, потеря финнами Карельского перешейка заставляла обеспечить жильем и продовольствием 400 тысяч человек, эвакуированных с этой территории^{vii}.

22 июня 1941 г. нацистская Германия напала на Советский Союз, военные действия развернулись по всему восточному фронту. В тот же день немецкие самолеты нанесли удар по Советскому Союзу с территории Финляндии.

На севере СССР военные действия начались 29 июня 1941 г. переходом в наступление немецкой армии «Норвегия» (позже армия «Лапландия», а с середины июля 1942 г. – 20-я горная армия). Противник наносил главный удар на

Мурманск, а также вел наступательные бои на севере Карелии (на Кестеньгском и Кандалакшском направлениях).

К началу декабря 1941 г. противник был остановлен на рубеже от южного участка Беломоро-Балтийского канала до станции Масельская и западнее Кировской железной дороги по линии Ругозеро–Ухта–Кестеньга–Алакуртти–Мурманск. Эта линия советско–финляндско–германского фронта оставалась практически неизменной до июня 1944 г.

Таким образом, к концу 1941 г. 2/3 всей территории Карело–Финской ССР, экономически наиболее развитой, включая столицу – г. Петрозаводск, оказалось оккупированной финскими и немецкими войсками (на севере Карелии). На декабрь 1941 г. численность гражданского населения, проживающего на оккупированной территории, составляла 86 119 человек, в том числе «национального населения» (финно-угорского) - 35919 человек, «ненационального населения» (русских и представителей других народов, не относящихся к финно-угорскому населению)- 50 200 человек^{viii}.

Политика финского оккупационного режима на оккупированной территории Советской Карелии предполагала различные подходы к местным жителям в зависимости от их происхождения. Родственные финнам в этническом отношении карелы, вепсы, ингерманландцы, советские финны должны были остаться на своей территории и стать будущими гражданами чистого в расовом отношении финно-угорского государства - Великой Финляндии. Этнически не родственные финнам местные жители, основную массу которых составляли русские, рассматривались как мигранты, их надо было помещать в концлагеря с последующим выселением за пределы Карелии в другие регионы, захваченные союзником Финляндии – нацистской Германией.

Главнокомандующий финской армией Маннергейм 8 июля 1941 г. за день до перехода в наступление финских войск – Карельской армии в направлении севернее Ладожского озера издал приказ № 132, 4-й пункт которого гласил: «

Русское население задержать и отправлять в концлагеря»^{ix}. Еще не захвачена основная территория Советской Карелии, а участь русского населения уже решена.

Такое разделение местного населения на коренное, национальное, и некоренное, ненациональное, имело практическое значение при определении места жительства, распределении продовольствия и зарплаты. Оно также означало, что простые русские люди, живущие в деревнях, не могли смешиваться с привилегированными карелами, вепсами, ингерманландцами и другими финно-угорскими народами.

Для изоляции инонационалов по приказу главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма от 8 июля 1941 г. на оккупированной территории русское население следовало отправлять в концентрационные лагеря^x. Подобным образом оккупационная администрация намеревалась осуществлять контроль над «некоренным» населением Восточной Карелии.

Военное управление Восточной Карелии, исходя из утвержденных основ национальной политики на оккупированной территории, в своем распоряжении от 21 июля 1941 г. предполагало собрать все русское население в определенных местах и затем выселить за пределы Карелии в другие районы Советского Союза, которые должна была захватить Германия. С этой целью для русского населения стали создаваться концентрационные лагеря.

Составленная бюро по народонаселению статистика свидетельствует, что уже к концу 1941 г. в концлагерях было около 20 тысяч человек, в подавляющем большинстве русских. Наибольшее их количество пришлось на начало апреля 1942 г. (около 24 тыс. человек), или около 27% от всего населения, находившегося в зоне оккупации. Это довольно высокий процент с точки зрения международного права. К концу 1942 г. численность заметно уменьшилась, как из-за большой смертности в лагерях, так и из-за того, что часть людей освободили или отправили в трудовые лагеря. После этого на протяжении всех оставшихся лет месяцев оккупации численность колебалась между 15000 и 18000 человек, или составляла около 20% от всего попавшего в оккупацию населения^{xi}.

Для русского населения Олонецкого округа, а также жителей Вологодской и Ленинградской областей, переселенных на оккупированную территорию Советской Карелии в начальный период войны, были созданы следующие концентрационные лагеря: в деревнях

Видлица, Ильинское, Кавгозеро, Погранкондуши, Паалу и Усланка, а также 6 концлагерей в г. Петрозаводске^{xii}. Всего же в период финской оккупации Карелии было создано 14 концлагерей для гражданского населения (См. Приложение 3).

По мнению известного финляндского историка Антти Лайне «финские концлагеря нельзя сравнивать с концлагерями в Германии. Более точное их название «лагеря для перемещенных лиц»^{xiii}. Этой же точки зрения придерживаются большинство финляндских исследователей. Одновременно А.Лайне считает, что в широком смысле слово финские лагеря можно охарактеризовать как лагеря для интернированного русского населения, где содержались «ненационалы» до их предстоящего выселения из Восточной Карелии^{xiv}. Однако термин «лагеря для интернированных» так и не вошел в научный оборот.

Крупнейшим центром сосредоточения концентрационных лагерей стал Петрозаводск. Через две недели после захвата Петрозаводска штаб 7-го армейского корпуса финской армии издал приказ о создании в городе концентрационного лагеря на 10 тыс. человек. Поначалу лагерь, поделенный затем на четыре, располагался на южной окраине города: на Кукковке – лагерь №1, на «Северной точке» - лагерь №2, в районе лыжной фабрики – лагерь №3, и на Голиковке – лагерь №4. Поскольку «мест» оказалось недостаточно, в ноябре организовали еще два лагеря в северо-западной части города: в «Красной деревне» - лагерь №5 и на Перевалочной бирже – лагерь №6^{xv}

Финляндский исследователь Ю.Куломаа, объясняя причины того, почему Петрозаводск стал центром финских лагерей, пишет: «Выбор Петрозаводска в качестве места изоляции населения объяснялся несколькими факторами практического свойства. Город находился достаточно далеко от линии фронта, и здесь было проще организовать размещение людей и их охрану. Снабженческие перевозки можно было осуществить по железной дороге, «ведь здесь они (заключенные концлагерей – прим. науч. ред. Ю.М.Килина) готовы к отправке за границу (т.е. за пределы границы Великой Финляндии, в Россию, на территорию к югу от реки Свирь – прим. науч. ред. Ю.М.Килина), когда ситуация достигнет такой стадии, что от них можно будет избавиться», как отмечал в ноябре 1941 г. начальник отдела по делам населения штаба ВУВК. Кроме того, русское население представляло собой практическую ценность в качестве рабочей силы, что как свидетельствуют формулировки приказов об организации лагерей, также принималось в расчет с самого начала^{xvi}.

Из секретного отчета финского Военного управления Восточной Карелии (ВУВК) о состоянии дел за декабрь 1941 г. следует, что «на территории Олонецкого округа было создано 7 концлагерей, из них: 3 находились в ведении армейских корпусов, 4 подчинялись окружному

управлению». Всего же на территории Восточной Карелии для гражданского населения было создано 14 концлагерей, в которых содержались русские женщины, старики и дети. Исключительно жестокий режим был установлен в так называемых лагерях спецназначения в Кутижме, Киндасове, Вилге, Видлице, Колвасозере, Святнаволоке, Лососинном. За колючей проволокой оказалась примерно 1/3 населения оккупированной части Карелии^{xvii}.

Ю.Куломаа в своей работе «Финская оккупация Петрозаводска 1941-1944 гг.» отмечает, что представителей «национального» населения изолировали в концентрационных и переселенческих лагерях в очень небольших количествах в сравнении с «ненационалами», так, например, в апреле 1942 г. русские составляли 96% всех изолированных. «Националов» насчитывалось в общей сложности лишь 621 человек, большинство из которых были карелами, признанными в результате проверок обрусевшими в языковом отношении. Впоследствии они были освобождены^{xviii}.

Только спустя полгода после организации концлагерей в мае 1942 г. Военное Управление Восточной Карелии утвердило регламент о концентрационных лагерях, в котором говорилось: «1. В концлагерях содержатся: а) лица, относящиеся к ненациональному населению, проживающие в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно; б) политически неблагонадежные лица, относящиеся к национальному и ненациональному населению; в) в особых случаях и другие лица, пребывание которых на свободе нежелательно. Лица, названные в пунктах а) и б), должны содержаться в разных лагерях или в отдельно находящихся отделениях одного лагеря...»^{xix}. Контакты заключенных с гражданскими лицами были запрещены. Как показали события, большинство людей попадало в лагеря по пункту а). т.е. лица не относящиеся к родственным финнам народам.

В ноябре 1943 г., когда произошел перелом в ходе войны, по утвержденному главнокомандующим представлению начальника ВУВК было изменено название тех концентрационных лагерей, в которых помещалось население районов, входивших в зону военных действий. Вместо «концентрационных» их стали называть «переселенческими», а «концентрационными» остались только лагеря в поселках Колвасозеро и Киндасово. Там содержалось неблагонадежное, с точки зрения оккупационных властей, гражданское население: в Колвасозеро – выходцы из родственных финнам национальностей, а в Киндасово – представители других национальностей^{xx}. Однако принципиальной разницы между этими категориями лагерей не было.

Это признают и сами финляндские исследователи. Так, Ю.Куломаа пишет: «В качестве своего рода косметического нововведения в ноябре 1943 г. стали использовать термин

«переселенческий лагерь», который, как полагали, больше соответствовал сложившимся обстоятельствам. После этого концентрационными лагерями стали называться только места изоляции политически неблагонадежных лиц. В действительности проведение этого мероприятия, очевидно, вызывалось внешнеполитическими причинами и усиливавшейся пропагандой (имеется в виду советская пропаганда – С.В.), направленной против оккупации. Никаких реорганизаций за этим не последовало»^{xxi}.

Территория всех лагерей густо обносилась колючей проволокой в несколько рядов. На углах выстраивались наблюдательные вышки, на которых круглые сутки стояли вооруженные финские солдаты. Кроме этого, вдоль колючей проволоки ходили патрули, а у входа – часовой, вооруженный автоматом. Охране запрещалось вести беспричинные разговоры и вступать в какие-либо отношения с лагерниками. Выход из лагеря запрещался под угрозой расстрела^{xxii}.

Внутренняя организация петрозаводских лагерей строилась следующим образом. Комендантом лагеря назначались старшие домов, которые должны были следить за порядком в домах и квартирах и ежедневно докладывать коменданту о происшествиях. В 7 часов утра бригады заключенных отправлялись на работу. Рабочий день длился с 8 до 16 часов с 20 - 30-минутным перерывом на обед. По возвращении с работ заключенные могли привлекаться к коллективным внутри лагерным работам. После 20 часов передвижение по лагерю прекращалось. Применялись телесные наказания, особенно часто за самовольный выход за пределы лагеря^{xxiii}.

Условия проживания заключенных в петрозаводских концлагерях были исключительно тяжелыми. Финляндский исследователь Ю.Куломаа так описывает эту ситуацию: «Концлагеря были размещены в рабочих кварталах на окраинах города, где находились крупные (бревенчатые) строения... В лучших из них были квартиры из одной комнаты и кухни, худшие представляли из себя низкие бараки, где по обе стороны темного центрального коридора находились убогие комнаты с плитой... Согласно декабрьскому рапорту (1941 г.) все строения, по крайней мере в лагере №5, требовали ремонта... В двадцатиметровой комнате часто размещались трое взрослых и четверо детей, что означало менее трех квадратных метров на человека^{xxiv}. Согласно советским источникам, на одного человека приходился один квадратный метр жилплощади»^{xxv}.

Показания заключенных, находившихся в концлагерях, также свидетельствуют о тяжелых условиях проживания. Людей насильно загоняли в бараки по несколько семей в одну комнату. При этом заставляли выносить личные вещи, отнимали одеяла, часы, чемоданы, продукты питания^{xxvi}. У сгоняемых в лагеря славян отбирали имущество, скот и отдавали «освобожденным

братьям по крови». Бараки обносились двумя рядами колючей проволоки, выставлялась охрана. На воротах лагерей висели угрожающие напоминания о том, что вход и выход из лагерей запрещен под угрозой расстрела. Население содержалось в антисанитарных условиях. Люди спали на полу без всякой подстилки. Медицинская помощь не оказывалась^{xxvii}.

В воспоминаниях Е.В. Лахиной, содержавшейся в концлагере №5 г. Петрозаводска, говорится о жутких жилищно-бытовых условиях заключенных этого лагеря: «В помещениях в 15 - 20 кв.м. проживало от 6 до 7 семей. Бани и прачечной в лагере не было... Мыла совершенно не выдавали. Среди заключенных наблюдалась массовая вшивость. Нечеловеческие условия жизни в лагере повлекли за собой развитие эпидемий - цинги, дизентерии, сыпного тифа»^{xxviii}. В письме Булдаковой, находившейся в концлагере в п. Ильинский, отмечается: «Лагерь располагался на территории лесозавода, был обнесен двумя рядами колючей проволоки и охранялся часовыми. Разместили нас в бараках. В каждой комнате стоял стол, сколоченный из досок, возле него две скамейки, в углу у дверей плита, у стены - голые нары. Финны проверяли наличие людей в бараках и ночью»^{xxix}.

Финское руководство с самого начала войны имело планы экономического использования ненационального населения. На оккупированной финнами территории Советской Карелии была введена всеобщая трудовая обязанность для лиц от 15 до 60 лет. Труд заключенных применялся как внутри лагерей, так и за их пределами, в том числе на отдаленных участках и на сельхозработах. Первоначально регламентации труда заключенных не существовало и все семь дней в неделю были рабочими. Оплата труда в 1941-1942 гг. не предусматривалась^{xxx}. Позднее стали платить от 3 до 7 финских марок в день, затем еще больше, до 20 марок^{xxxi}.

В рассказе К.И. Богданова, 1915 г. рождения, из г. Ленинграда, бывшего узника концлагеря №2 г. Петрозаводска, подчеркивается: «Рабочий день в лагере длился с 6 часов утра до 8 часов вечера. Причем вечерняя работа, производившаяся в зоне лагеря, носила чисто издевательский характер. Людей заставляли производить совершенно бессмысленную работу: перетаскивать с места на место тяжелые камни, переносить с места на место изгородь и т.п. Бесцельность этой работы была настолько очевидна, что люди шли на ее выполнение с ужасом»^{xxxii}.

Еженедельный выходной день был введен в лагерях с конца марта 1942 г. С мая 1942 г. рабочий день заключенных ограничивался 8 часами. К концу оккупации к труду привлекалось от 1/4 до 1/3 общего количества заключенных^{xxxiii}. Эффективность труда заключенных была низкой, что обуславливалось голодом и болезнями людей. Широко применялись наказания - избиения заключенных за невыполнение норм выработки, за неправильную укладку дров в поленицы, недостаточную почтительность к чинам охраны. В руки Чрезвычайной

государственной комиссии попало письмо бывшего студента университета в Хельсинки рядового 7-го пограничного егерского батальона Салминена, который писал следующее: «Вчера расстреляли двух русских, отказывавшихся приветствовать нас. Уж мы покажем этим русским!»^{xxxiv}. Одной из мер наказания являлось также лишение пайка на двое-трое суток и заключение в карцер.

Финские охранники не щадили и детей. За малейшие проступки их избивали резиновыми плетками, и это явление носило массовый характер. В каждом лагере была должность палача, в обязанности которого входило наказание заключенных по приказу коменданта. Были случаи избиения и даже расстрела детей, выходивших из зоны лагеря, чтобы выпросить кусочек хлеба^{xxxv}. Леонид Новиков (концлагерь №5 г. Петрозаводска) вспоминает: «Ребята моего возраста стали проникать за проволоку, чтобы раздобыть что-нибудь из еды. Опасно это было. Надзиратели за это били резиновыми плетками, а часовые стреляли без предупреждения. Меня однажды ранили в ногу, когда я пролезал под проволоку. Рана долго не заживала»^{xxxvi}. И. Анисковичу было двадцать лет, когда его в сентябре 1941 г. заключили в один из лагерей в п. Ильинский вместе с отцом-инвалидом и шестью сестрами. В своих воспоминаниях он пишет: «Если ты только подходил близко к изгороди, тебе стреляли в ноги. Если кто-то пытался убежать, в него стреляли. Раз один из мальчиков попытался. Его расстреляли и оставили висеть вниз головой на изгороди для устрашения других. Однажды, когда пятеро юношей пытались убежать, финны вырезали ножами на их спинах звезды. Только один из них остался в живых»^{xxxvii}.

В лагерях устраивали «показательные» порки. Л.М. Яманина (Фомина) вспоминает: «Однажды нас всех согнали к воротам штаба, чтобы мы смотрели, как будут наказывать нашу маму. Она ушла за проволоку, чтобы достать для нас, голодных, какой-нибудь еды. Она лежала на телеге, а рядом стояли дети, на глазах у которых ей устроили порку резиновой плеткой»^{xxxviii}. В рассказе А. Ярицына отмечается: «...Из дома, что сейчас стоит на ул. Олонецкой в Петрозаводске время от времени доносились страшные крики. Там истязали и пытали людей. Туда доставляли виновных в нарушении лагерного режима или тех, кого охранникам хотелось считать таковыми. Такому избиению мог подвергнуться каждый, ибо никто не мог предвидеть, к чему придерется надзиратель, В доме через дорогу жил начальник лагеря. Он любил музыку. Когда крики истязаемых уж очень досаждали ему, он включал радиоприемник и сразу уносился мыслями в аккуратный особнячок в родной Суоми»^{xxxix}.

Насмешкой над людьми были «упражнения» финских «цирюльников». Л. Трошева (Олыпova) из концлагеря №5 пишет: «...нас детей стригли своеобразно: машинкой прогоняли

полосу от лба до затылка, а остальную часть оставляли». Она вспоминает и о медицинских манипуляциях по сбору крови у заключенных, в том числе и у детей: «Помню комнату, где на столе было много стеклянных сосудов с кровью. До сих пор перед глазами стоит человек в белом халате, который вонзил мне в грудь, чуть ниже ключицы, иглу. И так повторялось несколько раз. Эта процедуры у меня каждый раз заканчивались потерей сознания. Я и теперь не могу без содрогания видеть медицинские шприцы»^{xi}.

На оккупированной финнами территории Советской Карелии существовала дискриминация ненационального населения также в продовольственном обеспечении и в оплате труда. Особенно тяжелым было положение с продовольственным обеспечением весной - летом 1942 г., когда запасы урожая 1941 г. практически закончились. В апреле 1942 г., например, всем группам населения хлеба выдавалось по 165 г в день^{xii}. В 1942 -1943 гг. выдавали на 1 человека в день 300 г хлеба из муки с древесной примесью и 50 г гнилой колбасы на 3 дня^{xiii}. Для заключенных концлагерей определялось два вида продовольственных норм: А - для неработающих и В -для работающих. Установленные нормы продовольственных пайков являлись теоретическими, поскольку не имелось возможности обеспечивать их соответствующим количеством продуктов. С сентября 1943 г. заключенные получали по 200 - 300 г хлеба, состоящего на 50% из несъедобных примесей, иногда давали по 50 г порченной колбасы или кусочек заплесневелого сыра на 3 дня, изредка 50 г конины. В поисках пищи люди весной из-под снега извлекали убитых зимой и осенью кошек и собак и ели их мясо с червями, охотились за крысами, лягушками, били из рогаток ворон. Некоторым удавалось воровать из ясель финских лошадей картофельную шелуху, но за это жестоко избивали^{xliii}.

Во всех без исключения воспоминаниях бывших узников финских концлагерей говорится о том, что они вели голодное существование. Голод гнал людей за колючую проволоку, их не могли удержать ни наказание, ни страх смерти. Обычно за пределы лагеря посылали детей, потому что им легче было проскочит мимо охраны. Иногда, солдаты, жалея детей, выделяли им из своего пайка хлеба или каши. Малолетняя узница петрозаводского концлагеря В.А.Семко вспоминает: «Весной 1942 г. весь лагерь переболел цингой, а дети – корью. Свиристествовала дизентерия... Ежедневно умирало 10-15 человек. Кормили очень плохо. Выдавали немного хлеба с какой-то примесью и граммов 50 гнилой колбасы на 3 дня. Есть постоянно хотелось...»^{xliv}.

О том, что заключенные в период оккупации в концлагеря мирные жители голодали, свидетельствуют показания и самих финнов. Так, пленный финский солдат 13-й роты 20-й пехотной бригады Тойво Арвид Лайне рассказывал: «В первых числах июня 1944 г. я был в

Петрозаводске. На станции Петрозаводск я видел лагерь для советских детей. В лагере помещались дети от 5 до 15 лет. На детей было жутко смотреть. Это были маленькие живые скелеты, одетые в невообразимое тряпье. Дети были так измучены, что даже разучились плакать и на все смотрели безразличными глазами^{xiv}. И все это происходило в 1944 г., тогда как официальные финские источники заявляли об улучшении продовольственной ситуации с ноября 1943 г.

Несколько иную картину с обеспечением лагерников Петрозаводска продовольствием представляет Юкка Куломаа в своей книге «Финская оккупация Петрозаводска 1941-1944 гг.»: «Общее улучшение продовольственной ситуации осенью 1942 г. отразилось также на положении в лагерях. В начале октября был отменен наименее калорийный А-паек. По всей видимости, на это решение повлияли помимо гуманитарных соображений причины самого практического свойства, например, необходимость повышения низкой производительности труда. В дальнейшем помимо повышения норм, по-видимому, и распределение стало осуществляться более эффективно. С целью получения дополнительного продовольствия весной 1942 г. в лагерях стали устраиваться огороды, и к 1944 г. эта деятельность получила весьма широкое развитие. Кроме прочего, обрабатывались 40 га пашенных земель совхоза №4, были разработаны целинные земли на территории лагерей и в прилегающих к ним местностях, а в лагерях №2 и №5 занимались животноводством. Весной 1943 г. на территории двух лагерей были открыты две продовольственные точки акционерного общества «Вако», в которых продавались промышленные товары и такие ненормируемые продукты питания, как рыба и квашеная капуста»^{xlvi}.

Во многих воспоминаниях узников финских концлагерей отмечается, что медицинская помощь заключенным практически не оказывалась, лекарств было мало. А.А.Ильин, переведенный в марте 1942 г. в лагерь №1 заведующим больницей, рассказывал, что из всех постельных принадлежностей в лагерьной больнице были лишь бумажные матрацы, бумажные подушки и рваные грязные одеяла, которые больные приносили с собой. Наволочки и простыни отсутствовали. Питание больных поначалу не отличалось от питания других заключенных, но со временем для них стали выделять немного молока. Лишь после приезда комиссии (имеется в виду комиссия Красного Креста – С.В.) с проверкой, положение с лекарствами и питание больных несколько улучшилось. Появились финские врачи, говорящие по-русски, хотя отношение к русскому медперсоналу оставляло желать лучшего^{xlvii}.

Об этой проблеме более подробно говорит Ю.Куломаа в своем исследовании «Финская оккупация Петрозаводска 1941-1944 гг.»: «Судя по показаниям людей, занимавших руководящие

должности в лагере №1, ситуация с медицинским обслуживанием поначалу была очень тяжелой. Главный врач Восточной Карелии Вале в апреле 1942 г. также оценивал ситуацию как неудовлетворительную, поскольку в лагерях, отсутствовало даже самое простое оборудование... Уже зимой 1941-1942 гг. во всех лагерях были открыты поликлиники и дополнительные больницы. Импульсом для дальнейшего развития медицинского обслуживания в концлагерях стали случаи сыпного тифа, выявленные в лагерях военнопленных, расположенных в Южной Карелии. Распространение этой опасной болезни среди гражданского населения и большого по численности гарнизона Яанислинны могло привести к серьезным последствиям. По этой причине лагеря попали под более пристальный контроль финских специалистов, и в апреле 1942 г. врача Олонцкого округа с двумя другими военными врачами назначили ответственными за состояние здравоохранения в них. Кроме того, врачу примыкавших к городу территорий, должность которого учредили в июне 1942 г., вменили в обязанность вникать в вопросы ухода за больными и общей гигиены лагерей»^{xlviii}.

Весной 1942 г. в трех лагерных больницах насчитывалось в общей сложности 85 больничных коек, и их русский персонал состоял из 5 врачей, 4 фельдшеров, 11 медсестер, 7 акушерок и 12 человек младшего медицинского персонала. В июле 1942 г. в лагерях имелось семь больниц, из которых три – для инфекционных больных, с общим количеством коек – 162. Первый финский лагерный врач прибыл в Яанислинну в январе 1943 г., когда, несмотря на профилактические меры, началась эпидемия сыпного тифа. В помощь ему были командированы также финские медсестры, а весной в качестве сменщика в лагерь направили еще и второго доктора. В 1943 г. в лагерях насчитывалось 195 больничных мест; в лагерных больницах за год прошло лечение 2500 человек, а число побывавших на приеме у фельдшеров превысило 33000. На заключительном этапе оккупации в каждом лагере помимо поликлиники имелась своя больница. При центральной лагерной больнице, находившейся в концлагере на Перевалке, функционировало отдельное венерическое отделение, где можно было получить и стоматологическую помощь^{xlix}.

Как отмечает Ю.Куломаа, весной 1942 г. стали проводиться массовые прививки населения. Не считая детей младшего возраста, от брюшного тифа стремились привить всех – как свободное население, так и заключенных концлагерей. Кроме того, части жителей были сделаны прививки от оспы, а медицинскому персоналу и прививки от сыпного тифа. Затем детям стали делать прививки от дифтерии и туберкулеза. Прививочные мероприятия продолжались еще и в 1944 г.¹

Однако все эти мероприятия слабо отражались на положении в концлагерях Петрозаводска, так как нехватка продовольствия резко ухудшала состояние заключенных. В результате голода и массовых эпидемических заболеваний во всех концлагерях была исключительно высокая смертность: по воспоминаниям бывших узников финских концлагерей ежедневно умирали десятки людей, трупы которых свозились на кладбище по 2 - 3 раза в неделю. Вот что рассказали об этом очевидцы. А.П. Коломенский, находившийся в петрозаводском концлагере № 5 с 1 декабря 1941 г. по 28 июня 1944 г., и в обязанность которого входило вывозить из лагеря трупы, сообщил: «Работая возчиком, я вывозил из лагеря умерших на кладбище «Пески», расположенном в 5 км от г. Петрозаводска. По моим записям в мае 1942 г. умерло 170 чел., в июне - 171, в июле -104, в августе - 152. Всего с мая по 31 декабря 1942 г. умерло в нашем лагере 1014 человек...»^{li}. Уровень естественной смертности в финских концлагерях в 1942 г. был даже большим, чем в немецко-фашистских (13,75% против 10%)^{lii}. Смертность свободных жителей Карелии в 1942 г. составила 2,6%, жителей в Финляндии - 1,31%. К концу оккупации положение удалось стабилизировать. Уровень смертности в 1944 г. составил 1,38%^{liiii}.

До сих пор нет точных данных о том, сколько советских людей погибло в финских концлагерях для гражданского населения. Финский историк А.Лайне отмечает, что “за летние месяцы 1942 г. около 4500 человек из 22000 умерло от недоедания и болезней. Осенью ситуация стабилизировалась и уже не ухудшалась”^{liiv}. Финляндский исследователь Гуннар Розен считает, что в Петрозаводских лагерях в 1942 г. умерло 3017 человек, что составило около 15 %, а во всех лагерях до конца 1942 г. умерло 3516 человек, в основном это были старики и дети^{lv}. Юкка Куломаа приводит свои цифры умерших в петрозаводских концлагерях в 1941-1944 гг. в книге «Финская оккупация Петрозаводска 1941-1944 гг.»: «Согласно докладу, составленному после войны по поручению Союзной контрольной комиссии, в лагерях г.Яанислинны (Петрозаводск – С.В.) умерли 4003 человека, из которых 3467 человек – в 1942 г. В 1943 г. смертность в лагерях составила 442-458 человек и в период с января по июнь 1944 г. – в общей сложности 73 человека»^{lvi}.

Другой финский исследователь Х.Сеппеля пишет: “На самом деле мы не знаем, сколько советских людей умерло в наших концлагерях, не знаем, сколько находящихся на свободе людей умерло во время войны, и не знаем, сколько карелов и вепсов, увезенных в Финляндию, осталось там по окончании войны. Надо признать, что списки умерших штабом Военного управления составлены крайне небрежно. На основании их можно сделать лишь очень приблизительные выводы, если это вообще возможно”^{lvii}.

В материалах Чрезвычайной комиссии называется цифра свыше 7 тыс. погибших за годы оккупации лишь в петрозаводских концлагерях^{lviii}.

Этой проблемой занимался карельский историк К.А.Морозов. По его данным в результате тяжелого принудительного труда, плохого питания, голода, эпидемий, в результате расстрелов погибло свыше 14 тысяч советских людей, или 1/5 часть оставшихся на оккупированной территории. Но в эту цифру входят не только погибшие и умершие в лагерях, но и на всей захваченной территории Восточной Карелии^{lix}.

Существовала дискриминация населения, попавшего под финскую оккупацию, и в оплате труда. В начальный период войны оплата труда заключенных вообще не предусматривалась. В декабре 1941 г. штаб ВУВК все же принял решение об оплате труда заключенных, с тем чтобы поднять его эффективность. Находившиеся в лагерях стали получать 30% от зарплаты коренного национального населения, но не более 9 финских марок в день для мужчин и 7 марок для женщин. Свободное население получало за работу 20 - 30 марок в день. Заключенным были недоступны необходимые продукты питания как в торговой сети, так и на черном рынке. Устранение дискриминации некоренного населения в оплате труда произошло лишь во второй половине 1943 г. В декабре 1943 г. зарплата заключенным повысилась, ее размер определялся на основе выполнения норм. Из суммы, начисленной за выполненную норму, высчитывалось 70% на оплату расходов на содержание^{lx}.

Основное внимание в экономической деятельности оккупационной администрации на оккупированной территории Советской Карелии уделялось сельскому хозяйству, лесному делу и транспорту - отраслям, организация которых в условиях войны была наиболее необходимой. Труд заключенных использовался прежде всего именно в этих отраслях.

Заключенных Петрозаводских концлагерей использовали на разных предприятиях города: на Онегзаводе, хлебозаводе, по восстановлению электростанции, многие из них трудились по очистке улиц и разборке старых деревянных домов. Часть заключенных Петрозаводских концлагерей отправляли на лесоразработки в близлежащие районы^{lxi}.

В.П. Пессонен (Блинова) вспоминает: «Меня, 15-летнюю девчонку, в конце октября 1941 г. направили на дорожные ремонтные работы. Концлагерь в Медвежьегорском районе размещался в 8 км от деревни Малая Медвежья. Лагерь был обнесен колючей проволокой, и на 4 вышках дежурили охранники с автоматами. В лагере нас было человек 300 или даже больше. Все молодые - девчонки и женщины. Нас заставляли работать на самых тяжелых операциях в лесу и на дорожном строительстве. Мы валили деревья, корчевали пни, стелили лежневку через болота, возили песок на дорогу. Колонну сопровождали охранники с автоматами. Спали на

барачных нарах. Места были пронумерованы с обозначением наших фамилий. Стелили под себя на ночь ту одежду, которая была на нас. Кормили плохо: суп варили из гороха или бобов с ветками, а кашу - из зерна, едва раздробленного пополам. После возвращения с работы выдавали пайковые галеты. Но паек был такой скудный, что даже не замечали, как его проглатывали»^{lxii}.

Т.В. Попова (концлагерь № 2 г. Петрозаводска), знавшая финский язык и поэтому определенная в штаб писарем, пишет: «Люди ходили отечные, умирали. Сопровождать покойника родственникам запрещалось. Высокий процент смертности являлся результатом не только полуголодного существования, но и непосильной работы. Финны заставляли работать всех - детей от 7 лет и старше, беременных женщин, глубоких стариков, больных. Комендант концлагеря № 2 лейтенант Салаваара не гнушался лично избивать маленьких детей»^{lxiii}.

Финские власти в период оккупации Карелии первоначально не уделяли большого внимания просветительной работе среди ненационального населения. Хотя, как отмечает А.Лайне, в марте 1942 г. штаб Олонецкого округа вышел с предложением о развитии просветительской работы среди ненационального населения. С учетом продолжавшейся войны необходимо было контролировать настроения в этой среде и добиваться освобождения (корректировки) их от «созданного большевиками мировоззрения». Однако проблема была в отсутствии материалов на русском языке и лиц, владеющих русским языком. Тогда к предложению отнеслись отрицательно. В октябре 1943 г. с аналогичным предложением вышел офицер по просветительской работе в Прионежье Л.Хюппянен, однако это предложение вновь не было принято, что говорит об общем отношении к ненациональному населению. В самом конце 1943 г. в просветительский отдел штаба ВУВК был принят на работу человек, владеющий русским языком, в обязанностях которого лежало кроме контроля за учебным процессом на русском языке, также и организация «развлечений населения». Однако эта работа проводилась слабо и к ней приступили поздно^{lxiv}.

В период войны финны выпускали газету «Северное слово» на русском языке с особым приложением дня Восточной Карелии, где придавалось большое значение антисоветской и антикоммунистической пропаганде для населения, оказавшегося в зоне оккупации. Газеты распространялись бесплатно. Доставлялись они и в концлагеря. Печатавшиеся в газетах материалы были направлены на дезинформацию жителей о положении дел на фронте, на то, чтобы ослабить их надежду на возврат Советской власти.

Велись соответствующие передачи и по радио. Практиковавшиеся первоначально немногочисленные программы на русском языке прекратились в апреле 1942 г. После этого

трансляция передач велась только на финском языке. Иногда делали выпуски для карелов и вепсов на их родных языках. С просветительской и агитационной целью устраивались собрания, митинги, праздники. Но все это предназначалось прежде всего для коренного населения - будущих граждан Великой Финляндии и не касалось населения концлагерей.

Первоначально финские власти на оккупированной территории Восточной Карелии не планировали открытие школ для русских детей. Только в декабре 1943 г. начались занятия для детей русского свободного населения, а также было организовано 7 народных школ в лагерях. Охват учебой детей по возрасту был разным: дети русского населения, находившиеся на свободе, обучались с 7 до 15 лет, а в лагерях - с 10 до 14 лет. Школы работали всего 6 месяцев. Обучением было охвачено около 3 тыс. детей.^{lxv} Как отмечает в своей книге «Финская оккупация Петрозаводска 1941-1944 гг.» Юкка Куломаа, в этих школах преподавали учителя из местного населения, и наблюдался большой дефицит учебных пособий и материалов, а цели обучения вообще не были сформулированы. По-видимому, основной целью открытия школ для ненационального населения на этом этапе было стремление показать, например, приглашенным в город иностранным наблюдателям, что в этой сфере что-то предпринимается^{lxvi}

Неотъемлемой частью работы с населением являлось его религиозное просвещение. Доминирующее положение занимала православная община. Всего же религиозные общины охватили 47% свободного населения Восточной Карелии^{lxvii}. Финляндский исследователь Хельге Сеппяля отмечает, что с весны 1942 г. службы проводились и в петрозаводских лагерях. На проповедях священники призывали людей «выполнять все законы финских властей и вести борьбу против Красной Армии». Были уничтожены все книги, выпущенные в советское время. В народных школах преподавали закон божий^{lxviii}. Соглашаясь в целом с данной оценкой автора, все же уточним, что финскими властями в период оккупации уничтожению подлежали прежде всего те книги, которые, по мнению военной администрации несли «идеологическую нагрузку»: история ВКП(б), советское строительство в Восточной Карелии и другие.

В культурно-просветительской работе, проводившейся ВУВК, населению отводилась пассивная роль зрителя. Проводимые мероприятия адресовались главным образом национальному населению и несли в себе обязательную идеологическую начинку, выполняя тем самым функцию пропаганды Великой Финляндии.

Воздействие пропагандистской и просветительной работы на русское население и особенно на то, которое находилось в концентрационных лагерях, было очень ограниченным. Недооценка роли русского элемента Восточной Карелии стала, безусловно, крупным

просчетом в пропагандистской и просветительской деятельности оккупационной администрации.

Помимо концлагерей для гражданского населения, на оккупированной территории Карелии и приграничных с ней районах Финляндии была создана сеть лагерей для советских военнопленных, в которых обращение с заключенными мало чем отличалось от обращения с гражданским населением. К концу 1941 г. их насчитывалось уже 18^{lxi}, а всего за 1941-1944 гг. было создано 35 финских лагерей и рот для советских военнопленных. (См. Приложение 4).

Концлагеря для советских военнопленных располагались во всех оккупированных районах Карелии, многие из них имели филиалы. Так, лагерь военнопленных № 14 (Сортавала) располагал 4 филиалами (Элисенваара, Куркийеки, Лахденпохья, Хиитола), лагерь военнопленных № 16 (Маткаселькя) располагал 7 филиалами (Вяртсиля, Суоярви, Лоймола, Койриноя, Пюёриття, Салми, Ууксу), лагерь военнопленных № 32 (Суомуссалми, Каяни) располагал 1 филиалом (Вуонинен) (См. Приложение №2).

Кроме того, к настоящему времени в архивах удалось обнаружить сведения о 27 немецких лагерях советских военнопленных, которые были созданы в оккупированных районах северной Карелии и на территории Финляндии.

Финские лагеря были крупнее, чем немецкие. Во многих из них численность заключенных превышала тысячу человек. Финские лагеря также огораживались колючей проволокой, военнопленные размещались в деревянных бараках и использовались на заготовке леса, обжиге угля для газогенераторов, сельскохозяйственных работах. Многие работали в различных акционерных обществах и у частных хозяев (имеется в виду те военнопленные, которые находились в лагерях на территории Финляндии – С.В.), которые выплачивали лагерю за каждого работника от 10 до 30 марок в день. Их лучше кормили, и у них был достаточно свободный режим^{lxx}.

О питании в финских лагерях в протоколах допросов приводятся следующие нормы выдачи хлеба: русским – от 100 до 300 г (в госпитале – 380 г), карелам – от 430 до 650 г. Определенный период военнопленные вынуждены были дополнительно питаться отбросами, травой, лягушками и т.д., изготавливать и обменивать у финских солдат на продукты разные безделушки. Бывший военнопленный Яккола вспоминал, что летом 1942 г. он весил всего 40 кг^{lxxi}.

Обращение с военнопленными как в немецких, так и в финских лагерях было суровое, обессиливших расстреливали при конвоировании или на месте работы, за попытку к бегству полагался расстрел перед строем или удары палкой, за малейшие проступки наказывали, причем

исполнение телесных наказаний чаще всего возлагалось на старшин и полицейских из числа военнопленных^{lxxii}.

Следует отметить, что отличительной чертой финских лагерей для советских военнопленных было то, что отдельно размещались военнопленные родственники финнам национальностей – карелы, вепсы, ингерманландцы, которые носили на рукаве белую повязку с надписью «Heimokansalainen». Часть из них вступила в «Хеймобатальон» (родственный батальон) и воевала на стороне Финляндии.

В лагерях для военнопленных проводилась определенная пропагандистская работа. Еженедельно издавалась газета «Северное слово», печатавшаяся в оккупированном Петрозаводске. В ней помещались рубрики: «На фронтах», «По освобожденным областям», «Показания военнопленных» и другие, в которых рассказывалось об «успехах» немецкой и финской армий, печатались выступления генерала Власова, материалы, принижающие роль Красной Армии в период войны.

Летом 1943 г. в лагерь приезжала делегация генерала Власова, которая распространяла среди военнопленных декларацию «Русского освободительного комитета» с воззванием о вступлении в РОА. В этой работе ей помогало «Северное отделение РОА» во главе с капитаном финской армии Эриксоном. Некоторые пленные в поисках лучших условий жизни подавали заявления^{lxxiii}.

Наряду с пропагандистской работой в лагерях советских военнопленных активную деятельность вели сотрудники разведывательных и контрразведывательных органов Германии (отдел «1-Ц», разведотдел «Лапландия- 38») и Финляндии (Петрозаводская и Рованиемская школы финской разведки). Архивные материалы свидетельствуют, что несмотря на тяжелейшие условия пребывания в концлагерях лишь небольшая часть советских военнопленных шла на сотрудничество с оккупантами.

Смертность в финских концлагерях для советских военнопленных была чрезвычайно высокая. Этот факт признают и сами финляндские исследователи. Так, Ю.Куломаа пишет: «В общей сложности за время оккупации в Яанислинне (Петрозаводске – С.В.) умер примерно каждый двадцатый из свободно проживавших жителей и примерно каждый пятый из находившихся в лагерях. Следует упомянуть, что в финляндских лагерях для военнопленных смертность в период с 1941 по 1944 гг. поднялась еще выше, составив почти треть от общего числа военнопленных»^{lxxiv}.

Другой финляндский исследователь Хельге Сеппяля в книге «Финляндия как оккупант» отмечает: «Всего финнами было взято в плен 64188 человек, а после войны вернули лишь 42412.

По сведениям военной статистики в лагерях для военнопленных умерло 18318 советских людей. Писатель Эйно Пиэтола опубликовал в 1987 году заслуживающий внимание труд «Военнопленные в Финляндии 1941-1944», в котором он на конкретных примерах показывает, как обращались с военнопленными. В своем исследовании Пиэтола говорит о 18700 погибших военнопленных. Это число, вероятно, точнее ранее названного, поскольку основано оно на следственных документах»^{lxxv}

Помимо концлагерей для гражданского населения и для советских военнопленных на оккупированной территории Карелии было организовано 34 трудовых лагеря и аналогичных им трудовых подразделений. В трудовые лагеря (роты, команды) направляли людей добровольно или насильственно для производства определенных видов работ (дорожных, сельскохозяйственных и т.д.). Трудовые лагеря отличались от концлагерей рядом признаков: во-первых, они не имели постоянного места дислокации, и в военный период переводились из одного места в другое по мере выполнения работ; во-вторых, трудовые лагеря не являлись местами постоянного пребывания населения; в-третьих, в трудовые лагеря направлялись как национальное, так и ненациональное население, а также свободных жителей и заключенных концлагерей. Отсутствие постоянного места дислокации, создает сложности для определения точного места постоянного нахождения трудовых лагерей. Больше всего трудовых лагерей было создано в Медвежьегорском районе – 25, Олонецком районе – 16, Петрозаводске – 13, Кондопожском и Заонежском районах по 11, Прионежском районе – 10. Кроме этого, финские оккупационные власти создали на оккупированной территории 9 тюрем и 1 колонию для малолетних. (См. Приложение №1).

Довольно часто трудовые лагеря, сформированные оккупантами создавались на базе лагерей военнопленных. Так, трудовой лагерь № 55 берет свое начало от «Роты военнопленных лагеря № 55», переименованной 28 февраля 1942 г. в трудовой лагерь № 55. Кроме того, 7 лагерей (рот) военнопленных на оккупированной противником территории Карелии (№№ 52, 66, 70, 74, 77, 78 и ребольский лагерь) были переданы в распоряжение лесного отдела штаба ВУВК. В этих лагерях работал смешанный состав: финские граждане, советские военнопленные, заключенные концлагерей и свободные граждане. Например, в лагере военнопленных № 52 (Кондопога) на 13 апреля 1942 г. работало 672 человека: 5 финнов, 462 советских граждан (153 мужчины, 304 женщины, 5 детей) и 205 военнопленных. Поэтому, уместно говорить, что указанные лагеря военнопленных (№№ 52, 66, 70, 74, 77, 78 и ребольский лагерь) фактически были трудовыми лагерями.

В трудовые лагеря и аналогичные трудовые подразделения направлялись лица, как правило, трудоспособного возраста (от 15 лет и старше). Тем не менее, судя по архивным документам и воспоминаниям очевидцев, в трудовых лагерях имели факты привлечения к работе детей более младшего возраста. Кроме того, в трудовые лагеря могли направляться граждане вместе с несовершеннолетними детьми, которые не привлекались к труду, однако проживали вместе с родителями.

В трудовых лагерях, также как и в концентрационных, был установлен жесткий административный режим: запрет покидать территорию лагеря, строгий распорядок дня, штрафы и физические наказания за нарушение режима, наличие постоянной охраны, как на территории лагеря, так и по месту выполнения работ; плохие бытовые условия и продовольственное обеспечение.

Остальное ненациональное население на оккупированной территории Карелии в 1941-1944 гг., которое не попало в концлагеря и трудовые лагеря, оказалось в местах принудительного содержания. Под этим термином автор имеет в виду те территории, куда неродственные финнам народы были выселены оккупационными властями и где они отбывали трудовую повинность. Как правило, это были те населенные пункты в сельской местности, которые находились в глубине от линии фронта.

Ряд местностей компактного проживания ненационального населения финские официальные власти называли термином «особые территории», как например, Заонежье^{lxxvi}. Режим содержания в трудовых лагерях, «особых территориях» и в местах принудительного заключения мало чем отличался от пребывания советских людей в финских концлагерях: жесткий контроль со стороны финских властей, ограничения в передвижении, невыносимая уплотненность жилищ, практическое отсутствие лекарств и медикаментов, постоянное недоедание, обязательное привлечение к труду, низкие заработки, физические наказания за малейшие провинности и др.

Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания людей, переживших финскую оккупацию, прежде всего, жителей Заонежья. Так, Антонина Александровна Кочанова, 1929 г.р., во время войны с семьей оказавшаяся в деревне Патрово Заонежского района, вспоминает: «Мы как раз приехали в Патровщину, мне было двенадцать лет, сестричке было четырнадцать лет, и ее взяли в лагерь. И она уехала в лагерь в Великую Губу, строили они там дорогу. А меня с мамой посылали в лес пилить деревья с корня, там мы складировали дрова в костры, какая-то нам была норма, я даже не знаю, мама знает... Нам давали норму на месяц. Мука была, то ли финская, то ли что, как пыльца, и не знаю даже, сколько грамм нам давали, очень как-то мало. И

мы полмесяца солому ели, ели зелень на улице, дрова пилили – ели мелкие опилки, хлеб уже не пекли. Я голодала, опухла... Жили мы неважно, плохо жили. Хотя и проволоки колючей не было, все время у нас дежурили финны, в лес за ягодами не разрешали ходить, думали, что мы там в какую-то связь с партизанами вступим. Кстати, у нас партизан не было на Патровщине»^{lxxvii}. Другая заонежанка, пережившая оккупацию в деревне Падмозеро, Клавдия Ивановна Осипова, 1935 г.р. вспоминает: «У нас был комендантский час. Около деревень колючей проволоки не было, потому что каждую деревеньку не окутаешь колючей проволокой. Это был не лагерь, просто туда мы были насильственно эвакуированы из своих домов. Но после четырех был комендантский час, чтобы никто из деревни никуда не выходил»^{lxxviii}.

С первых дней оккупации финскими властями осуществлялось насильственное переселение «свободно проживающего» гражданского населения, прежде всего «ненационального» из одних населенных пунктов в другие. Начиная с 1942 года, финские военные власти начали выпускать из концлагерей заключенных и обеспечивать их работой в различных местностях на оккупированной территории. Из петрозаводских концлагерей заключенных направляли на работу в трудовые лагеря Кондопожского, Прионежского, Пряжинского районов, заключенных олонекских лагерей направлялись на работы в Прионежский и Пряжинский районы.

Часть жителей Заонежья была направлена в лагеря г.Петрозаводска, часть населения с побережья Онежского озера была переселена в тыл полуострова, однако многие оставались жить в своих деревнях. В период оккупации все трудоспособное население Заонежья было привлечено к работам как по месту жительства, так и направлялась в трудовые лагеря в Медвежегорский, Кондопожский, Прионежский и Пряжинский районы.

Переселение было обусловлено следующими причинами: во-первых, лишить советские власти, находившиеся по другую линию фронта, возможности организовать местное население на сопротивление оккупантам (так, в январе 1942 гражданское население восточного и южного побережья Онежского озера, а также жители Клименецкого острова и островов Липовицкого мыса были переселены в концентрационные лагеря в г. Петрозаводск; в феврале 1943 г. за связь с «противником» население четырех деревень Заонежского района (Липовицы, Пески, Сибово, Усть-Яндома) было переселено в другие населенные пункты района); во-вторых, обеспечить военные и хозяйственные объекты дешевой рабочей силой; в-третьих, обеспечить население работой, чтобы оно было способно прокормить себя.

Когда Советский Союз в начале осени 1943 г. обратил внимание мировой общественности на оккупационную политику Финляндии, сравнивая ее с захватнической

политикой Германии, финны устранили национальные привилегии. Именно тогда возникла необходимость пересмотра всей оккупационной политики в Восточной Карелии. Военная ситуация в Европе радикальным образом изменилась в худшую сторону для финнов и их союзников-немцев. В это время дурная слава о немецких концентрационных лагерях заставила Финляндию заменить название «концентрационные лагеря» на «лагеря интернирования»^{lxxix}. Со сменой названия условия в лагерях коренным образом не изменились. Вместе с тем волна международного возмущения все же вызывала некоторые изменения в лучшую сторону.

Бывшие малолетние узники петрозаводских концлагерей вспоминают о появлении в конце 1943 г. представителей международной общественной организации Красного Креста. Г. Вавилина, бывшая узница одного из петрозаводских концлагерей, в своих мемуарах пишет: «Однажды я услышала незнакомую для меня фразу: Красный Крест приехал! После этого события жизнь наша в лагере несколько улучшилась»^{lxxx}. «Лучиком надежды для многих из нас стало появление Красного Креста», - подтверждает Л. Яшанина (Фомина)^{lxxxi}. Таким образом, «улучшение» положения русского населения в концлагерях с 1943 г. было связано не столько с желанием финских властей изменить национальную политику на оккупированной территории, сколько с гуманной миссией Международного Красного Креста. Благодаря деятельности этой организации многим узникам петрозаводских концлагерей удалось выжить.

Данная проблема до сих пор является дискуссионной. Некоторые финляндские исследователи считают, что ставить знак равенства между финскими и немецкими концлагерями неверно. Конечной целью германских концлагерей являлось уничтожение людей на непосильных работах, в ходе медицинских экспериментов либо в газовых камерах. Задача финских концлагерей была принципиально иной - изоляция и последующее выселение некоренного населения - ненационалов, и это не предполагало истребление заключенных^{lxxxii}. С этим утверждением трудно согласиться тем, кто пережил 2,5 страшных года в концлагерях, кто потерял и оплакивает до сих пор безвинно погибших от унижения, голода, болезней своих родных, близких и знакомых.

По мнению бывших малолетних узников финских концлагерей, в самый сложный период войны Финляндии против СССР (в 1941 - 1942 гг.) финский режим на территории оккупированной Советской Карелии ничем не отличался по жестокости от режима немецко-фашистских захватчиков. Условия финских концлагерей были таковы, что русские люди уничтожались без предварительно поставленной задачи. Приведенные в данном разделе монографии факты подтверждают этот тезис.

В настоящий период люди с общей недетской судьбой объединены в общественную организацию «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей» (КСБМУ), которая осуществляет неформальную заботу о них, оказывает материальную и моральную поддержку. Одной из своих задач КСБМУ считает сохранение на долгие времена памяти о далеком огненном детстве за колючей проволокой его членов, ныне уже достигших пенсионного возраста. Острота пережитого в военные годы сохраняется в сердцах убежденных сединой людей. Сборники воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей: «Судьба», «Плененной детство: сборник воспоминаний бывших малолетних узников», книга В.С.Лукиянова «Трагическое Заонежье» и другие, вышедшие в Петрозаводске в последние годы, - это не тускнеющие документы военного времени. Люди, чье детство омрачено воспоминаниями о войне, имеют право на память, и сами они не подлежат забвению поколений.

Говоря о данной проблеме, следует отметить, что по многим параметрам финские власти установили оккупационный режим значительно более жесткий, чем тот, который установила нацистская Германия на оккупированной части СССР. Сложно найти оккупированную территорию Советского Союза, где бы противник создал такое большое количество мест принудительного содержания, чем Карелия, с населением в 86 тыс. человек, оставшимся на захваченной финскими войсками территории. Исходя из развития военной обстановки и поставленных собственных задач финские власти на оккупированной территории Карелии создали свыше 100 различных лагерей – мест принудительного содержания: концентрационных лагерей для гражданского населения – 14; трудовых лагерей и аналогичных им трудовых подразделениях – 34; лагерей, рот для советских военнопленных, созданных финнами на оккупированной территории Карелии в период 1941–1944 гг. – 42. При этом они имели филиалы на всей оккупированной территории, охватывая практически все населенные пункты захваченной Карелии. Кроме того, противник создал на оккупированной территории 10 мест заключения (9 тюрем и 1 колонию для малолетних).

Такая многочисленная сеть лагерей и мест принудительного содержания в Карелии объясняется, прежде всего, теми целями, которые были поставлены финскими властями в период войны: осуществить вывоз лесных и сельскохозяйственных богатств республики в Финляндию; обеспечить безопасности собственных войск, что выражалось в привлечении заключенных лагерей и местного населения для строительства оборонительных сооружений; обеспечить экономическую безопасность Финляндии и финской армии, для чего заключенных лагерей и местное население привлекали для строительства дорог; лишить советские органы власти базы для организации сопротивления оккупантам; обеспечить военные и хозяйственные

объекты дешевой рабочей силой; обеспечить населения работой, чтобы оно способно было само прокормить себя.

В целом, анализ архивных и других документальных материалов позволяет утверждать, что практически все ненациональное (русское) население во время оккупации Советской (Восточной) Карелии финскими войсками в 1941-1944 гг. находилось либо в концлагерях (переселенческих) лагерях, либо в трудовых лагерях, либо в местах принудительного содержания. Эти места принудительного содержания мало, чем отличались от концлагерей: в них население было изолировано от окружающих, ограничено в передвижении, находилось под строгим контролем охраны, вынуждено было работать на оккупантов. Поэтому, на наш взгляд, не стоит разделять людей на тех, кто находился в концлагерях и тех, кто оказался в местах принудительного содержания. Все русское население, оказавшееся на оккупированной территории, должно быть отнесено к малолетним узникам, и в настоящее время необходимо решить вопрос о предоставлении этим людям льгот, предусмотренных законодательством РФ. Тем более, что таких людей осталось очень мало и государство тем самым выполнит свой долг перед ветеранами.

Данная проблема в последнее время приобрела большую социальную значимость. К сожалению, в настоящий момент люди, которые находились в местах принудительного содержания в период финской оккупации, не получают определенные законодательством РФ льготы для узников концлагерей, а те, кому эти льготы были предоставлены в конце 1990-х - начале 2000-х годов, их лишились.

Особый общественный резонанс приобрел вопрос о жителях Заонежья. Люди, оказавшиеся в оккупированном Заонежье, находились в местах принудительного содержания под строгим контролем финских властей, они были ограничены в передвижении, вынуждены были отбывать трудовую повинность, установленную оккупантами. Решение о предоставлении льгот малолетним узникам Заонежья, также как и других районов Карелии, в которых находилось так называемое «ненациональное население» снимет социальную напряженность в обществе, укрепит доверие граждан к государству.

- i Восточной Карелией в Финляндии считается территория, определенная Тартуским мирным договором 1920 г. между Финляндией и Советской Россией к востоку от Финляндии: по реке Свирь, побережьям Онежского озера и Белого моря. Это примерно в границах нынешней Республики Карелия.
- ii Сеппеля Х. Финляндия как оккупант в 1941-1944 годах //Север, 1995, №4-5, с.98-99.
- iii Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во второй мировой войне //Карелия, Финляндия и Заполярье во второй мировой войне. Петрозаводск, 1994, с.42.
- ivLaine A. Suur – Suomen kahdet kasvot. Itä – Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa. 1941-1944. – Helsinki: Keuruu, 1982. – S.75-76.
- v Цит. по: Морозов К.А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Петрозаводск, 1983, с.75.
- vi Laine A. Suur – Suomen kahdet kasvot. Itä – Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa. 1941-1944. – Helsinki: Keuruu, 1982. – S.60.
- vii Осипов А.Ю. Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии. //Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Вып.3. Финская оккупация Карелии (1941-1944) /науч. ред. А.В.Голубев. А.Ю.Осипов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. – С.23-24.
- viiiLaine Antti. Suur-Suomen kahdet kasvot. Ita-Karjalan siivilivaeston asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. - Helsinki: OTAVA. 1982.- S.106.
- ixЦит. по: Кулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.53.
- xКулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.53.
- xi Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время второй мировой войны /А.Лайне //Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. - С.101; он же: Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во второй мировой войне /Лайне А. //Карелия, Заполярье и Финляндия в годы второй мировой войны. - Петрозаводск, 1994. - С.43; он же: Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941-1944 гг.). / А.Лайне. //Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX-XX вв.): Сб. статей. – Петрозаводск, 1995. – С.100-101; Невалайнен П. Карелия после 1917 года. /П.Невалайнен //История карельского народа. - Петрозаводск, 1988. – С.288; Сеппеля Х. Указ соч. //Север. 1995. №4-5. - С.103.
- xiiКулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.54.
- xiii Laine A. Suur – Suomen kahdet kasvot. Itä – Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa. 1941-1944. – Helsinki: Keuruu, 1982. – S.186.
- xiv Там же. – S.125.
- xvПетрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны / Авторы-сост.: С.Г.Веригин, В.П.Судаков. – Петрозаводск: Изд-во «Скандинавия», 2005. – С.54.
- xviКулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.55.

xvii Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. /К.А.Морозов. - Петрозаводск, 1983. - С. 127-147.

xviii Кулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.70.

xix НАРК. Ф.804. Оп.1. Д.8. Л.50.

xx По обе стороны Карельского фронта: Документы и материалы. - Петрозаводск, 1995. – С.412-414.

xxi Кулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.58.

xxii КГАНИ. Ф.8. Оп.1. Д.1169. Л.31.

xxiii Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... - С. 59.

xxiv Куломаа Ю. Город на Онего /Ю.Куломаа. //Набат Северо-Запада. 1991. №19-20. – С.4-5.

xxv КГАНИ. Ф.8. Оп.1. Д.1126. Л.27; Ф.5425. Оп.1. Д.291. Л.1.

xxvi Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории КФССР: Сб. документов и материалов. - Петрозаводск, 1945. - С. 300.

xxvii О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. М., 1944. - С. 40 - 43.

xxviii Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР» -. Петрозаводск, 1944.- С. 8.

xxix Судьба. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999. - С. 35.

xxx Рогаткин Д.В. Финская оккупация Карелии 1941 – 1944. Дипломная работа. - Петрозаводск, 1994.- С. 17.

xxxi КГАНИ. Ф.Ф.8. Оп.1. Д.1126. Л.26.

xxxii О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. - С. 103.

xxxiii Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... - С. 258.

xxxiv Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии...- С. 9.

xxxv Судьба – С.32

xxxvi Судьба. – С.40.

xxxvii Северный курьер. 1993. 30 декабря.

xxxviii Судьба. - С. 39.

xxxix Там же. - С. 25.

xl Там же. - С. 59.

xli Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... - С. 60.

xlii Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. документов и материалов. - Л., 1945. - С. 80 - 81.

xliii Судьба. - С. 17,40.

xliv КГАНИ. Ф.116. Оп.1. Д.277. Л.4.

xlv Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии...- С. 6.

xlvi Кулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.110-111.

xlvii КГАНИ. Ф.1230. Оп.23. Д.39. Л.67.

xlviii Кулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.116-117.

xlix Там же. – С.117.

l Там же.

li КГАНИ. Ф.1230. Оп.23. Д.39. - С. 9.

lii Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. - М., 1991. - С. 122.

liii Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике...- С. 247.

liv Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во второй мировой войне. – С.43.

lv Rosen Gunnar. Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotahallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta 1941–1944. /Gunnar Rosen. – Jyväskylä, Gummerus Kirjapaino Oy, 1998. – S.127.

lvi Кулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.75.

lvii Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941 – 1944 годах. //Север. 1995. №6. - С.113.

lviii Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии...- С. 9.

- lix Морозов К.А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). /К.А.Морозов. - Петрозаводск, 1983. – С.80.
- lx Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... - С. 254, 257.
- lxi Архив УФСБ РФ по РК. Ф.6. Литерное дело №11. Ч.4. Л.Л.135.
- lxii Судьба. - С. 34.
- lxiii Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков...- С. 68.
- lxiv Laine A. Suur – Suomen kahdet kasvot. Itä – Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa. 1941-1944. – Helsinki: Keuruu, 1982. – S.164-165.
- lxv Комсомолец. 1990. 27 января.
- lxvi Кулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.182.
- lxvii Сеппяля Х. Указ. соч. - С. 102.
- lxviii Судьба. - С. 18.
- lix Чумаков Г.В. За колючей проволокой. /Г.В.Чумаков. //Отечественная история. 2006. №4. – С.81-82.
- lxx Авдеев С.С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941-1944 гг.). /С.С.Авдеев. // Вторая мировая война и Карелия. 1939-1945 гг. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой отечественной войны. /Науч. ред. Н.А.Кораблев, В.Г.Макуров. – Петрозаводск, 2001. – С.52.
- lxxi Там же. – С.52-53.
- lxxii Там же. – С.53.
- lxxiii Там же. – С.54.
- lxxiv Кулома Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941-1944 /Ю.Кулома; Военно-истор. об-во РК; науч. ред. Ю.М.Килин. – Петрозаводск: А.Н.Ремизов, 2006. – С.76.
- lxxv Сеппяля Х. Указ. соч. - С. 113.
- lxxvi Rosen Gunnar. Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotahallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta 1941–1944. Jyväskylä. Gummerus Kirjapaino Oy. 1998. – S.182.
- lxxvii Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Вып.3. Финская оккупация Карелии (1941-1944) /науч. ред. А.В.Голубев. А.Ю.Осипов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. – С.127.
- lxxviii Там же. – С.139.
- lxxix Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во второй мировой войне. - С. 43.
- lxxx Судьба. - С. 18.

lxxxі Там же. - С. 40.

lxxxіі Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... - С. 60.